
ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ

Б. М. КОНДОРСКИЙ

ХАРАКТЕР КИТАЙСКОЙ И КОЧЕВОЙ ОЙКУМЕН В 1-М ТЫС. Н. Э.*

Ойкумена рассматривается как форма социального существования в географическом пространстве, как система, имеющая свои законы. Основным элементом ойкумены являются потоки социальной информации. После гибели империи Хань и ойкумены, характерной для периода древности, в условиях «смутного времени» в основе ойкумены лежала система «равных полей». Это позволило сохранить китайскую идентичность большей части населения в условиях постоянных вторжений кочевых племен. В статье рассмотрен и проанализирован архетип кочевых сообществ как система основных социальных институтов, характеризующих кочевой образ жизни. Кочевая ойкумена базировалась на единстве с природой. Многочисленные кочевые государства имели неравновесный характер, и их гибель сопровождалась возвратом к исходному состоянию.

Ключевые слова: ойкумена, Китай в I-м тыс. н. э., Северная Вэй, феодализм в Китае, кочевники Центральной Азии, кочевые империи.

Автором в ряде публикаций были сформулированы отдельные положения концепции ойкумены (Кондорский 2017а, 2024). Обычно этим термином обозначается заселенная человеком часть мира. Мы же рассматриваем ойкумену как особую систему, имеющую свои внутренние законы, как освоенное человеком географическое пространство, как единство природных и социальных явлений. Близ-

* Для цитирования: Кондорский, Б. М. 2026. Характер китайской и кочевой ойкумен в 1-м тыс. н. э. *История и современность* 2: 3–35. DOI: 10.30884/iis/2026.02.01.

For citation: Кондорский, Б. М. 2026. The Characteristic of the Chinese and Nomadic Ecumenes in the 1st Millennium AD. *Istoriya i sovremennost' = History and Modernity* 2: 3–35 (in Russian). DOI: 10.30884/iis/2026.02.01.

История и современность, № 2, июнь 2026 3–35

DOI: 10.30884/iis/2026.02.01

кой к ойкумене в нашем понимании является концепция вмещающего ландшафта Л. Н. Гумилева (1990) и Э. С. Кульпина (1996).

Основным элементом ойкумены как системы являются потоки социальной информации. В качестве социальной информации можно рассматривать любые действия, имеющие социальные последствия. Приведем пример. Если человек просто покушал – это имеет обычно только физиологические последствия. Но если он организовал, устроил пир, то это уже имеет социальные последствия, часто достаточно значимые. До Нового времени (особенно в период древности) пир был одним из важнейших социальных институтов.

В связи с этим следует четко различать такие социальные категории, как община и род (Кабо 1986: 10), на что историки не всегда обращают должное внимание, часто рассматривая оба понятия как синонимы. Элементом общины, в отличие от рода, является семья. Главная задача общины – это воспроизводство людей как физиологических индивидуумов и обеспечение в этом их всем необходимым – едой, жилищем, одеждой. В каждом регионе, имеющем свои специфические природные условия, община имеет определенную «экологическую» форму, для обозначения которой наиболее подходит понятие «этнос». То есть этнос в узком смысле этого слова следует рассматривать как природно-социальное образование, связанное с приспособлением людей (в плане существования) к определенным природным условиям. Этнос по существу имеет ту же основу, что и биологический вид.

В свою очередь род, обычно имеющий форму клана, состоит из социальных индивидуумов. Ойкумена имеет свое особое пространство, пространство ойкумены (ПО), носителями которого как раз и являются данные индивидуумы. Следует отметить, что в период древности не было личностей в современном понимании (Кон 1978: 146–152; Ярхо 1963). Социальный индивид являлся частью ПО, и его деятельность, активность, поведение определялись законами этой системы.

Человеческая история имеет ряд основных исторических этапов, в основе которых лежали социальные революции – неолитические, архаические, феодальные, революции Нового времени (Кондорский 2013: 17, 2020: 566). Именно революции каждый раз формировали потенциал последующего развития. Каждый этап характе-

ризовался определенным типом сознания и социального пространства. До Нового времени социумы были органически связаны с природными условиями (в той или иной степени). Поэтому здесь социальное пространство следует рассматривать как ПО.

В Новое время начинает появляться автономная (в идеале) личность как элементарный социум (Кондорский 2014а: 470). В предыдущий период действовал базисный закон, согласно которому социум должен был предоставлять своим членам определенный минимум, обеспечивающий их нормальное физиологическое (этническое) существование. Появление личности означает, что здесь уже сам человек должен об этом беспокоиться.

Параллельно шел процесс формирования политической и экономической систем, имеющих свои объективные законы. Если политик или капиталист хотели иметь успех, то они должны были в своей деятельности подчиняться законам этих систем (Кондорский 2021: 86). То есть в отличие от индивида в рамках ПО здесь личность принимает решения как автономная социальная система. Кстати, в Новое время человек несет ответственность за использование своей собственности только перед самим собой.

Попытки правителей в период древности стать полностью самостоятельной, автономной личностью носили форму «исторической петли». Типичным примером в этом отношении был Александр Македонский. Географически его знаменитый поход, начиная с Гавгамел, имел форму петли. Однако его отец в своих планах не шел дальше завоевания Восточного Средиземноморья (Шахермайр 1984: 35). После смерти Александра все его завоевания, в конечном итоге, к этому и свернулись. К подобного рода явлениям можно отнести и поход Ганнибала в Италию, и попытку Ксеркса завоевать Грецию во время греко-персидских войн.

Другим примером могут быть события после перехода Цезарем Рубикона. Несмотря на блестящую победу при Фарсале, Цезарю пришлось утверждать свою личностную волю еще в битвах при Тапсе и Мунде. В конечном итоге все это завершилось заговором ближайшего окружения (Утченко 1976: 327). Цезарь оказался бессилен перед законами ойкумены, независимыми от его личностного сознания.

Процессы формирования ойкумен носят обычно сукцессивный, стадийный характер. Так же как и в случае растительных сообществ,

сначала появляется пионерная ойкумена, которая начинает осваивать определенный тип региона, создавая условия для последующих стадий. Все это заканчивается так называемой климаксной системой со сложной структурой (Кондорский 2024: 83).

Освоение окрестностей Средиземного моря начали финикийцы. Греки быстро переняли опыт финикийцев в мореходстве, торговле, основании факторий. Рим сначала сформировал латинскую, затем итальянскую и, наконец, средиземноморскую ойкумену в рамках Империи. Следует обратить внимание на тот факт, что Рим объединил регионы, где собственная ойкумена еще не сформировалась или уже деградировала (как в Греции и на Ближнем Востоке).

Являясь в своей основе социально-географической системой, каждая ойкумена имеет естественные границы. Выход за их пределы всегда чреват тяжелыми последствиями. Здесь действует следующий принцип: субъекты исторического пространства одной ойкумены не могут оказывать определяющего влияния на исторические процессы в рамках других ойкумен. Эта закономерность актуальна и в современный период на фоне постоянных попыток Запада оказать влияние на базовые процессы в российском (и не только) обществе.

Естественная граница римской ойкумены проходила по Дунаю и Рейну, а на Востоке – по границам Сирии и Палестины. Попытка римлян перейти Рейн при Августе закончилась гибелью трех легионов в Тевтобургском лесу, что вызвало серьезные проблемы в Империи (Шифман 1990: 119). Выходя за естественные границы на Востоке в ходе Римско-парфянских войн, римляне чаще терпели тяжелые поражения. Это и страшный разгром легионов Красса, и неудачный поход Марка Антония, и гибель императора Каракаллы (Бокщанин 1966).

Прогрессивное историческое развитие возможно только в рамках ойкумен, не имеющих изолированных границ. В изолированных ойкуменах данный процесс принимает «горизонтальный» характер. В Новом Свете так и не появились колесо, гужевой транспорт, металлические орудия. Социумы Тропической Африки до колониального завоевания оставались в неолитическом состоянии.

Еще в период ранней древности появились «государственные» торговцы, которые обеспечивали правящую верхушку дефицитными престижными вещами. По существу, вплоть до Нового времени

(и не только) международная торговля в рамках ПО основывалась на предметах роскоши, потребление и редистрибуция которых имели важные социальные последствия.

Освоение географического пространства и формирование ПО носили в своей основе символический, сакральный характер, способствовали развитию коммуникативной системы (Джонсон, Эрл 2017). Сакральное обычно рассматривается как нечто религиозное, хотя «религии» в античный период принципиально отличались от более поздних мировых религий (Дементьева, Суриков 2010: 24). Важнейшими институтами ПО являются известная реципрокация и редистрибуция (Моос 1996; Dalton 1971; Polaniy 1968). Сакральные правители воспринимались как источники «блага» – еще очень важной категории ПО.

В Древнем Египте царь выступал как податель благ на земле (Берлев 1978: 39). Все, что ни делалось в государстве, во всех сферах деятельности сводилось к особе фараона (Перепелкин 2000: 147). Производство воспринималось как акт творения не только материальных ценностей, но и людей. Фараон предстает здесь как «родильное место» богов (Берлев 1978: 37). Вместо производства на основе определенных экономических законов имеет место творение материальных благ с помощью божественной силы. При этом совершение ритуала (как благо) и творение вещей (как благо) воспринимались как явления одного порядка. Совершение ритуала жрецами принципиально не отличалось от реальной производственной деятельности. В свою очередь, производство носило ритуальный, сакральный характер.

Элита ПО отвечает за его формирование и поддержание. В период древности эту роль в сознании людей того времени играли боги. В период, предшествующий появлению собственно государств, формой поддержания элитой ПО был институт полюдья (в широком смысле этого слова), который был характерен практически для всех народов (Кобищанов 2009).

В древности люди «чувствовали» законы ойкумены. В Древней Греции это находило свое выражение в безликой мойре-Судьбе как олицетворении законов ойкумены. Ее власть простиралась над людьми и богами. Сам Зевс вынужден был подчиняться этой силе, стоящей выше него (Туманс 2002: 52).

Важнейшую роль в поддержании ПО играл фактор общения между индивидуумами как носителями этого пространства с целью

обмена информацией. Исключительно важную роль в период ранней древности в интеграции рассредоточенного населения играли церемониальные (ритуальные) центры (Березкин 1997: 11; Гуляев 1979: 76–77). В Древнем Египте основу ПО составляли «города» как ритуальные центры. А. В. Коротаев обратил внимание в Аравии на систему священных анклавов и регулярного паломничества к ним, сопровождавшегося ярмарками, на которых происходил обмен религиозными и культурными идеями (Коротаев 2003: 58–59).

Потоки информации в чем-то подобны водной стихии. Поэтому необходима своеобразная «социальная ирригация», связанная с организацией уже социального круговорота. В социальных системах, предшествующих архаическим революциям, сначала эту роль играло вождество, затем раннее государство (Васильев 1983; Попов 1995; Sahlins 1968; Service 1975). Государство должно контролировать информационные потоки (Carneiro 2000: 186).

Здесь следует обратить внимание на следующие моменты. Ранний и поздний неолит, энеолит и бронзовый век составляют единый исторический этап, предшествующий архаическим революциям. Раннее государство обычно связывают с цивилизациями бронзового века. Однако внимательный анализ показывает, что во всех ранних государствах этого периода вождество и все, что с ним связано, никуда не девается. Для раннего государства характерны только отдельные элементы внешнего характера собственно государства, к тому же не имеющего потенциала дальнейшего развития. Раннее государство предстает как своеобразная надстройка над базисом вождества. Следует обратить внимание, что все государства бронзового века погибли в первую очередь вследствие внутренних причин.

Социальный и биологический (экологический) круговороты имеют общие базовые принципы. Основой нормального функционирования биологического круговорота является деструкция избыточной биомассы. Аналогично в доархаический период в рамках египетской, месопотамской, индской цивилизаций основной задачей «государства» того времени была утилизация избыточного продукта в форме строительства тех же пирамид, храмов, других культовых сооружений и проведения ритуальных мероприятий. Воспроизводство ПО носило циклический характер. Новый год был главным праздником, когда заново рождались все основные

властные структуры (Байбурин 1993: 18; Емельянов 2001: 55; Элиаде 1984: 50, 69).

После архаических революций в античный период в рамках полисов мы имеем уже то, что можно назвать избытком «свободного времени», который давало классическое рабство. Формируется инфраструктура, лежащая в основе «утилизации» свободного времени в виде храмов, театров, гладиаторских боев в Риме. Наконец, общественных бань, которые играли исключительную роль в социальной жизни того времени.

Важной категорией ПО является «ресурс». Можно говорить о ресурсе социального существования и социального развития. В плане физиологического существования этот термин не совсем подходит. В рамках ойкумены ресурс является в определенной степени самостоятельным феноменом. Его появление, движение, использование не зависят от сознания. Ресурс развития появляется за счет внутренней и внешней эксплуатации. Здесь нужно четко различать социальную и экономическую эксплуатацию. Последняя появляется только в Новое время и связана с разрушением общины. Достаточно вспомнить процесс огораживания в Англии.

Если в период ранней древности для ПО был характерен потлач, связанный с регулярным расхождением и уничтожением ресурсов, то для поздней древности основой нового типа пространства стал процесс их концентрации. В Древней Греции тираны первыми повели борьбу с аристократами как носителями сознания потлача, расходовавшими свои богатства для поддержания своего авторитета. Эта идея впервые появляется в «Одиссее», где главный герой расправляется с женихами, грабившими его имущество в рамках этого явления (Андреев 2003: 109–110). Именно этот эпизод можно рассматривать как своеобразный манифест архаической революции, провозглашавший беспощадную борьбу с носителями старого сознания (Кондорский 2013: 22).

Характер войн зависел от типа и состояния ПО. В Греции в архаический период исключительно важную роль играли различного рода ритуальные мероприятия. Например, те же Олимпийские игры. Соответственно, войны в это время сводились к ритуальным стычкам небольших аристократических дружин на колесницах (Туманс 2002: 125). Подобного рода «рыцарские поединки» имели место во время войн в период Чуньцю (с 722 по 479 г. до н. э.) в Китае (Васильев 1983: 264).

Исходные «корни» войн в древности следует искать в институте мужского союза, когда неженатая молодежь жила отдельно от общины и занималась набегами на соседей (Андреев 2004а). В этом плане обращает на себя внимание разительный контраст в характере формирования и поддержания «имперских» ойкумен в периоды ранней и поздней древности. Если ассирийские цари обычно разоряли и грабили завоеванные территории (Дьяконов 1949: 86), то в более поздний период в Северной Индии победитель предлагал побежденному правителю совместное освоение целинных земель (Лелюхин 1993: 11). Аналогично римляне изымали у побежденных общин треть земли, обычно целинного характера.

В России и в Новое время законы ойкумены играли более чем заметную роль (в отличие от Западной Европы). Походы Карла XII, Наполеона, Гитлера на Россию закончились полным крахом, несмотря на то, что их армии были более сильными в военно-профессиональном отношении. Гениальность Петра I, Кутузова, Сталина заключалась в том, что они смогли перевести противника из военно-политического пространства (характерного для Европы) в ПО. С учетом природного характера ойкумены значительную роль сыграли и климатический, и географический факторы. Здесь мы имеем ту же «историческую петлю».

В неолитический период существовала евроазиатская ойкумена (включавшая Северную Африку) (Кондорский 2017а: 21), в рамках которой шло последовательное распространение из центра (в Передней Азии) главных технологических изобретений того времени посредством мобильных пастушеских групп на основе принципа «растекания» (Дьяконов 1982а: 17). Северный Китай в неолитический период следует рассматривать как неотъемлемую часть евроазиатской ойкумены. Относительная географическая изоляция Китая в данный период этому мало мешала. Здесь действовал принцип сообщающихся сосудов.

Появление всех тех технологических нововведений, которые были характерны для культуры Яншао, а затем Луншань, следует связывать с влиянием переднеазиатского центра евроазиатской ойкумены (Васильев 1976: 151, 185; 1995: 123, 132). То же самое относится и к цивилизации Шан-Инь, где все нововведения появляются в «готовом», совершенном виде и имеют прототипы и аналоги в других регионах евроазиатской ойкумены (Он же 1995: 135; Новгородова 1989: 140).

В протогосударстве Шан-Инь все носило сакральный характер. Важнейшим моментом государственной власти в рамках ойкумены являлся контроль «стихийных» факторов, способных нанести вред данной социальной системе или разрушить ее. Здесь контроль внешних природных сил, олицетворяемых богами, находил свое выражение в ритуальной деятельности (Баум 2006: 251) как канала связи между людьми и потусторонним миром (Иорданский 1982: 177). Жертвоприношения можно рассматривать как форму дарообмена (реципрокации) – важнейшего института формирования и поддержания ПО (Степугина 2004: 386). Следует обратить внимание на сакральность фигуры вана как транслятора божественной воли (силы) небесного правителя Шанди (Васильев 1983: 158; Крюков 1988: 110).

Важнейшим условием существования ойкумены является поддержание «освоенности» географического пространства, что находило свое выражение в проведении регулярных сельскохозяйственных работ. В Древнем Египте фараон в социальном сознании того времени «лично» не только руководил всеми работами, но и производил все материальные блага (Берлев 1978: 39). То же самое можно отнести и к деятельности шанского вана. При этом ван заботился об урожае только в рамках своей ойкумены (Васильев 1983: 104).

Как уже говорилось выше, одно из основных явлений, характерных для ойкумены, – войны, которые в этот период носят ритуальный характер. Речь идет о так называемых племенах внешней зоны – фан, с которыми протогосударство Шан-Инь то воевало, то заключало договоры, предполагавшие даннические отношения.

К концу 2-го тыс. до н. э. Шан-Инь полностью исчерпало свой потенциал. В этот период происходит гибель и других государственных объединений бронзового века. Крито-микенская цивилизация прекратила свое существование вследствие внутренних факторов. Дорические племена, с которыми связывали ее гибель, появились на территории Греции только через столетие (Андреев 2004б: 60). Произошло полное разрушение ПО, характерное для неолитического этапа исторического развития. Сохранились только изолированные социальные системы неолитического типа.

Чжоусцы, пришедшие на смену Шан-Инь, начинают формировать ойкумену принципиально нового типа. Если в предыдущий

период политическое влияние иньцев не распространялось дальше территории современной провинции Шэньси (Думан 1970: 20), то чжоусцы резко расширяют сферу своего влияния. Переняв земледельческие навыки у иньцев, чжоусцы распространили их среди зависимых племен на всей территории бассейна Хуанхэ (Васильев 1961: 30).

Коренным отличием между Шан-Инь и Чжоу в сфере сознания была концепция мандата Неба (Васильев 1998: 126–127). Чжоуский ван становится обладателем сакральной «благодати» (магической силы дэ). Мандат Неба всегда был с чжоуским ваном, и не было необходимости уже советоваться с духами предков, как это делали шанские ваны (Васильев 1989: 234).

Появление концепции мандата Неба было исходной точкой начала архаической революции в Китае (Кондорский 2013: 17). Архаической революцией обычно называют все те кардинальные изменения в области технологий, культуры и социальных отношений, которые имели место в Древней Греции в VIII–VI вв. до н. э. (Фролов 1988: 92–100).

Появляется община как самоуправляемое объединение свободных земельных собственников. Города, за исключением крупных административных центров, имели самоуправление во главе с советом старейшин (Переломов 1964: 16–26). Органы самоуправления могли созывать местное ополчение, организовывать оборону города, вершить суд (Якобсон 2002: 209). Именно подобного рода община и становится базовой основой ойкумены нового типа.

Отдельные царства имели тот же базовый архетип, что и классические полисы. Однако гражданская община как носитель полного государственного суверенитета в Китае так и не появилась. Гожэнь – лично свободные люди, полноправные граждане государства, обязанные нести военную службу и платить налоги (Васильев 1998: 179; Рубин 1999: 208), так и не взяли власть в свои руки. Народное собрание приобретало власть только в периоды опасности и чрезвычайных обстоятельств (Рубин 1999: 213).

Происходит китаизация варваров на Среднекитайской равнине, не имевших в этом регионе своей ойкумены (жунов, ди, и). Появляется представление о единстве происхождения в форме самоназвания хуася. Остальные народы воспринимаются как «варвары» (Крюков и др. 1978: 271–274; Крюков 1982: 150–151). Аналогичные

процессы в это время происходят в Греции (Крюков и др. 1978: 271–272; Крюков 1982: 153). В V в. до н. э. в среднем течении Хуанхэ сложилась территория, населенная исключительно хуася, которые оказали культурное влияние на периферийные царства.

Подобного рода образования и в Китае, и в Греции следует рассматривать как своеобразные архаические нации. В наше время нация самым тесным образом связана с такой категорией, как геополитическое пространство, которое предстает своеобразной «наследницей» пространства ойкумены. Субъекты геополитического пространства – не столько государства, сколько нации этих государств. Элементом нации является сознание человека, а не сам индивид. Нация – это ментальный феномен.

В середине 1-го тыс. до н. э. происходит преобразование ландшафта Северного Китая, сопровождающееся изменением природных условий. Огромные лесные массивы в бассейне Хуанхэ были выкорчеваны, обширные болота осушены. В этот период проводятся крупные дренажные и оросительные работы в масштабах целых регионов (Дьяконов 1982б: 498–500). Идет интенсивное строительство сухопутных и речных путей сообщения (Васильев 1998: 173). Следует отметить, что в отличие от ранней древности инфраструктура ойкумены в этот период представляла собой систему, которая формировалась и поддерживалась уже по технологическим законам (Кондорский 2014б: 55).

Нормальная устойчивая ойкумена должна сводить к минимуму отрицательное воздействие внешних стихийных факторов. Ее поддержание могло гарантировать только политически устойчивое государство, способное обеспечить мобилизацию и концентрацию имеющихся ресурсов (в первую очередь людских). То есть здесь мы имеем своеобразное государство-ойкумену, когда характер ойкумены определял специфику государства.

Все это нашло свое проявление в царстве Цинь в процессе реформ Шан Яна (Рубин 1970: 77–79), которые сопровождались тотальным хозяйственным освоением территории. Оросительные системы Цинь, позволившие повысить урожайность в два-три раза, стали экономическим базисом военной мощи этого государства (Кульпин 1990: 95–96).

Однако «империя», созданная Цинь Шихуанди, носила слишком централизованный характер. Несмотря на то что все царства-

соперники были уничтожены, а их территории вошли в состав «империи», попытки разрушить собственно общины в конечном итоге закончились неудачей. Созданная Цинь Шихуанди надобщинная «конструкция» оказалась неустойчивой и рухнула после его смерти.

Если империя Цинь оказалась недолговечной, то империя Хань просуществовала четыре столетия. Дело в том, что произошли качественные изменения, которые привели к появлению нового типа надобщинного пространства – «имперского» (Кондорский 2014б: 54). В основе нового государства лежал общественный договор, который Лю Бан и его команда заключили с общинами (Тихвинский 2013: 163). Именно общественный договор является источником публичной власти.

В период Восточной Хань начинается необратимый процесс деградации управляющей элиты и гражданской общины, члены которой являлись основными налогоплательщиками. Происходят те же процессы, что и в поздней Римской империи (Удальцова 1983: 81; Малявин 1983: 30). Государство теряет контроль на местах. В Римской империи от городских общин полисного типа как основы государства-ойкумены остается одна «оболочка». Земледельцы уже не могут самостоятельно вести хозяйство и превращаются в зависимых колонов. В Китае происходит массовый переход разорившихся крестьян под покровительство так называемых «сильных домов» (Дьяконов 1982в: 141–142; Малявин 1983: 23). Все это сопровождается разрушением структуры ойкумены и заканчивается в итоге гибелью государства. Происходит резкое уменьшение населения (почти в пять раз) (Конрад 1974: 116).

Заканчивается второй виток исторического развития. В основе каждого витка, каждого этапа исторического развития лежал определенный тип революции. Собственно феодальной революции предшествует период феодализации, когда появляются только отдельные социальные явления и институты, внешне имеющие феодальную специфику (Кондорский 2016: 26). В учебниках это обычно называют ранним феодализмом.

В Западной Европе этот период был характерен для Меровингов и ранних Каролингов. Феодализм как система появляется только после феодальной революции, которая имела место здесь в районе IX–X вв. Согласно данной концепции в Древней Руси был не

феодализм, а феодализация. Феодальная революция имела место уже в рамках другой системы – Московского государства (Кондорский 2017б: 156).

С формационной точки зрения период, наступивший после гибели Хань в Китае и длившийся около 500 лет, нужно рассматривать как процесс феодализации. Здесь необходимо обратить внимание еще на один очень важный момент. В Западной Европе феодальная революция имела место на базе германских племен, а не предшествующей Римской империи. К концу 1-го тыс. н. э. на территории нынешней Франции у местных общин уже не осталось и следов племенного сознания. Революция здесь происходила как бы с чистого листа.

Совершенно другая ситуация имела место в Китае. Здесь кочевые этносы не смогли сыграть роль германских племен. Несмотря на регулярные «перетряски» населения, сопровождавшие весь период феодализации, сохранился высокий уровень преемственности с предшествующим периодом. В первую очередь это касается сферы сознания и культуры.

В 1-м тыс. н. э. население Китая осталось в рамках китайского мира и по-прежнему воспринимало себя как хуася, то есть проявило завидную культурную устойчивость. Очень многим культура Китая обязана «смутному времени» III–VI вв. (Крюков и др. 1979: 7). Здесь нужно обратить внимание на тот факт, что в конце 2-го тыс. до н. э. происходит разрушение единой евроазиатской ойкумены и самоизоляция китайской ойкумены. Это, с одной стороны, способствовало столь длительному периоду феодализации, а с другой – обусловило низкий потенциал последующего развития.

В этом отношении Китай очень похож на Византийскую империю, которая постоянно декларировала свою преемственность с Римской империей (Каждан 1966: 56), но большую часть своего исторического развития находилась в состоянии перманентного кризиса. Преемственность с Ханьской империей находила свое выражение, в частности, в том, что слово «ханец» очень долго служило обозначением китайца. Империя Цзинь, на полстолетия объединившая весь Китай во второй половине III в., воспринималась как законная наследница Хань (Конрад 1974: 117–118).

После гибели империи Хань Цао Цао предпринял попытку вывести страну из экономической катастрофы и острого демографи-

ческого кризиса посредством военных поселений. Если в предшествующий период чиновничьи должности занимали в основном выходцы из аристократии, то в рамках новой реформы чиновниками становились выходцы из низов. Цао Цао стремился создать подобие военной касты, которая должна была превратиться в одно из высших сословий (Тихвинский 2014: 34–35).

Однако попытки быстро построить более-менее устойчивую ойкумену во второй половине III – начале IV в. закончились полной неудачей. Так называемая смута восьми ванов привела к голоду, эпидемиям, обрушившимся на Северный Китай, снова вызвала значительный отток населения из центральных районов. По стране прокатилась волна народных восстаний. И самое главное – гражданская война привела в движение еще более могучую силу, в скором времени изменившую весь облик Северного Китая. Этой силой были варвары-кочевники, по традиции называвшиеся «пять северных племен» (Крюков и др. 1979: 21).

Произошло разделение Китая на Север и Юг, которое вылилось в политическое противостояние этих регионов. Противостояние во многом вытекало из различия природных условиях двух частей страны: их климата, рельефа, растительного и животного мира (Там же: 17). То есть сформировались, по существу, две разные ойкумены.

В IV–VI вв. на Севере, в отличие от Юга, наблюдалось определенное интегративное единство китайской и кочевой ойкумен. Наиболее тесные отношения установились во времена Северной Вэй. Однако, несмотря на временный успех деятельности Тоба Хуна, видимость китайско-варварского союза оказалась обманчивой. Реформы провели резкую грань между китаизированной придворной аристократией и массами рядовых табгачских воинов, которые сохранили кочевой тип сознания (Крюков и др. 1979: 94). В конечном итоге это привело к глубокому кризису и гибели государства. Все это показало несовместимость сознания китайской и кочевой ойкумен.

Как говорилось выше, уже в начале 1-го тыс. до н. э. Китай становится самостоятельной ойкуменой, имеющей автономный тренд развития. Начинает сказываться относительный фактор изоляции, препятствующий тому пути развития, по которому пошла Европа. В Китае, в отличие от Европы, отсутствовала отделенная политиче-

ская власть. Власть императора по-прежнему имела слишком много сакральных рецидивов, доставшихся в наследство с периода древности (Мартынов 1972).

Если на Юге был хоть какой-то базис ойкумены в виде «сильных домов» (Тихвинский 2014: 54), доставшийся в наследство от Хань, то на Севере в «период смуты» он практически отсутствовал. Выход нашли в «ручном управлении» в форме надельной системы. Императорскими указами 477 и 485 гг. в Северной Вэй устанавливалась система «равных полей». Применительно к собственно аграрному сектору это предполагало закрепление за каждым работником права на получение участков определенной площади и установление фиксированных налогов. Для этого официально или по умолчанию устанавливался принцип государственной собственности на землю. Наделы выдавались только трудоспособному населению, при этом крестьяне прикреплялись к земле (Тихвинский 2014: 61–63; Конрад 1974: 114–157; Никифоров 2002: 177–181).

Тем самым государство устанавливало полный контроль за производством зерна. Здесь следует обратить внимание на следующий факт: возможность длительного хранения зерна способствовала тому, что еще со времен неолита его производство обеспечивало стабильность земледельческой ойкумены. Контроль пахотной земли и право распоряжаться ею здесь выступают в качестве основы суверенитета.

Что касается так называемой государственной собственности на землю (Конрад 1974: 121), то в данном случае категорию «собственность» нельзя рассматривать в обычном понимании. Крестьяне не арендовали землю у государства. Земля находилась в распоряжении императора, который посредством своих чиновников распределял ее среди трудоспособных земледельцев. То есть данную систему необходимо рассматривать не по законам классической собственности, а в соответствии с основными принципами редиистрибуции как института, органически связанного с ойкуменой.

В основе государства лежит контроль личностного потенциала, личностной активности (Кондорский 2016: 27). В период древности мы имеем коллективную личность в форме клана (рода). Взаимодействие с этой социальной системой и ее контроль составляли основу внутренней политики государства. Несмотря на внешние различия конфуцианства и легизма, обе эти системы (каждая по-

своему) служили инструментом регулирования и контроля активности кланов как коллективных личностей.

Даже в собственно античных государствах человек мог проявлять себя как личность только в качестве члена гражданской общины. В рамках третьего витка исторического развития появляется индивидуальная личность. Вначале – только на уровне управляющей элиты. В Европе чрезмерную активность феодалов в известной степени связывала система вассалитета. В городах в эпоху Возрождения подобного рода активность спровоцировала появление классической инквизиции. В Китае в «смутный период» неконтролируемая активность элиты, направленная в первую очередь на удовлетворение личных амбиций и сопровождаемая интригами, зверствами, террором, отнюдь не была нацелена на укрепление государства-оикомены.

В свое время Л. Н. Гумилев ввел в исторические исследования понятие пассионарности (Гумилев 1990), рассматривая изменение уровня пассионарности как основную причину подъема, расцвета и последующей деградации и падения различного рода социально-политических систем в процессе исторического развития. Мы считаем, что пассионарность является важной категорией ПО и все время остается на одном уровне. Меняется только ее вектор, который в рассматриваемый период отнюдь не был направлен на консолидацию китайского общества.

Что касается характера обязательств крестьян перед государством в рамках системы «равных полей», то здесь мы имеем налог – повинность зерном, обеспечивающий процесс управления государством. Такого же характера, что и прямые трудовые повинности, связанные со строительными работами, ремонтом и содержанием ирригационных сооружений, мероприятиями по осушению болот, борьбой с разливами рек – поддержанием технологической составляющей инфраструктуры оикомены (Конрад 1974: 123). То есть речь идет не о налоге в классическом понимании, когда государство представляет автономную политическую систему, а о системе повинностей (в широком смысле этого слова) в рамках государства-оикомены.

Государство вмешивалось в хозяйственную деятельность крестьян (Никифоров 2002: 178). Существующая община была подчинена государственному аппарату и не воспринималась как нечто

отдельное, автономное. В земледельческих законах III–VII вв. нет прямых признаков существования традиционной общины (Никифоров 2002: 179). Крестьяне превращаются в подчиненных чиновников, выполняющих их указания (Симоновская 1968: 23). Старосты структурных элементов сельской общины выполняют функции чиновников. В отличие от периода древности новая община состоит из потенциальных личностей. Однако непосредственный контроль чиновников над земледельцами, своеобразное включение их в бюрократическую систему сводит к минимуму возможное проявление личностной активности.

Рассмотрим процессы развития в 1-м тыс. н. э. Здесь мы имеем процессы воспроизводства социальных институтов, характерных для периода древности, и в форме своеобразных аналогов «сильных домов» периода Восточная Хань, появления клановых структур, и в попытках искусственно создать территориальную общину, и в сохранении мандата Неба как основы императорской власти. Здесь отсутствуют какие-либо качественные изменения в плане появления новой организации, как это происходит в процессе основных социальных революций.

Данные процессы напоминают древнюю Спарту, где в VI в. до н. э. произошло как бы воспроизводство архаических институтов, но уже на совершенно иной основе. То же самое имело место и в начальный период Римской империи, когда появились отдельные социальные явления, внешне похожие на те, что были характерны для раннего Рима. В обоих случаях обе социально-политические системы находились в состоянии инерционного развития, а не прогрессивно-исторического процесса.

Собственник должен отвечать за использование своей собственности. В настоящее время он отвечает, как автономная личность, перед самим собой. В Древнем Риме его гражданин отвечал за своевременную обработку земли перед общиной. Считалось, что последняя передала имение в пользование тому или иному ее члену. Если собственник два года подряд не проводил сельскохозяйственных работ, землю могли отобрать. В Китае подобного рода ответственность полностью взяло на себя государство.

Несмотря на то что Север постоянно подвергался нашествиям кочевников, а на Юге наблюдалась относительная стабильность, именно на Севере постепенно формировалась ойкумена, историче-

ское пространство, которое стало основой Китайского государства в периоды династий Тан и Сун. Несмотря на постоянную смену политической ситуации (только в IV в. здесь образовалось и ушло в небытие более 20 политических образований), можно проследить определенный вектор направленного развития.

Император Суй смог достаточно легко объединить Север и Юг (Тихвинский 2014: 184), потому что наблюдалась острая потребность в объединении всей страны. Хотя суйская династия правила непродолжительное время, однако тенденция к объединению была сильна. В период Тан была проведена реформа Ян Яня, сопровождаемая введением налоговой системы (когда налогами облагались земельные собственники в соответствии с размером их владений), просуществовавшей до 1949 г. (Симоновская 1968: 307). Появилось то, что можно назвать налогом в понимании, близком к современному.

В VIII в. произошел переход к развитому феодализму, обусловленный реформами Ян Яня (Смолин 1974: 94). После мятежа Ань Лушаня земли превратились в фактическую собственность крупных землевладельцев. Значительная часть крестьян была вынуждена арендовать у них землю. Государство узаконило свободную продажу земли, сняло ограничения на размеры землевладения (Никифоров 2002: 183–185). В то же время проводилась политика внутренней колонизации, в основном в южных районах (Смолин 1970: 55).

Внутренняя колонизация сыграла важную роль в формировании феодальной ойкумены в Западной Европе. «Великие расчистки» XI–XII вв. стали здесь основой экономического базиса развития феодализма (Блок 1957: 45–46; Глебов 2014: 22–23). Аналогичные процессы имели место после архаических революций в Греции (Андреев 2003: 86), Северной Индии (Косамби 1968: 156).

В X–XII вв. община в Китае переживала как бы второе рождение, что не мешало возрастанию массы «пришлых» кэху как чужаков, которых на новом месте принижали и в имущественном, и в социальном отношении. Крестьянство вновь стремилось обрести сплоченность в противодействии попыткам «феодалов» ограничить их права. Происходит укрепление клановых начал (Смолин 1970: 157–161). Формируется община, гомологичная феодальной марке в Западной Европе. Наблюдается расслоение общины. Богатые крестьяне становятся обладателями имений, как и феодалы «средних дворов» (Смолин 1970: 113).

Однако сформированная в периоды Тан и Сун ойкумена в конечном итоге не выдержала испытания временем. В XII в. сунские власти перестали заботиться должным образом о ремонте ирригационных сооружений. Сунское государство оказалось не в состоянии защитить страну от вторжения чжурчженей и произвола разбойничьих банд. В таких условиях гибли урожаи, поля запустели и подолгу не обрабатывались (Смолин 1961: 38–41).

Феодалная революция в Китае носила неполный характер (Кондорский 2016). В результате сформировался лишь слабый потенциал развития – в отличие от Западной Европы. Несмотря на попытки радикальных реформ в начале династии Мин, страна осталась в состоянии инерционного развития. Самостоятельное появление в Китае пороха, бумаги, компаса не привело к появлению огнестрельного оружия, наборного книгопечатания, внешней колонизации.

Вообще, если проследить историческое развитие Китая, получается своеобразный «регтайм» («рванный ритм», от англ. ragged time – разорванное время), сопровождаемый каждый раз многократным уменьшением населения. Мы считаем, что в основе подобного рода характера развития лежит относительная изоляция Китая как ойкумены.

Кочевые общества появились на рубеже 1–2-го тыс. до н. э. на Алтае и в Южной Сибири (Марков 1973: 103). В первых столетиях 1-го тыс. до н. э. началось массовое распространение скотоводства в азиатских степях (Он же 1976: 21).

Не надо быть специалистом, чтобы увидеть принципиальные различия между кочевыми и земледельческими социальными системами, в данном случае в лице Китая. В первую очередь это касается социального сознания. В обоих случаях мы имеем тысячелетний период формирования кочевого и земледельческого образа жизни.

Интересна характеристика, даваемая кочевникам в трудах мусульманских историков. Кочевники – народ, для которого оседлая жизнь, неподвижное состояние, длительность пребывания на одном месте невыносимы. Сущность их сложения основана на движении, и нет у них предназначения к покою. Они не занимаются ремеслами, торговлей, земледелием, строительством. И нет у них иных помыслов, кроме набега, грабежа, охоты, верховой езды,

сражений, поиска добычи (Артыкбаев 1999: 102). Получается кардинальное отличие кочевой ойкумены от китайской земледельческой буквально во всем.

Здесь мы должны рассмотреть архетип кочевников как социально-историческую систему, имеющую основные, базовые социальные институты, характерные для кочевников и во второй половине 1-го тыс. до н. э., и в 1-м тыс. н. э., и в первой половине 2-го тыс. н. э. На подобного рода сходство обратили внимание ряд исследователей (Кляшторный 2006а: 458; Трепавлов 2005: 71).

Кочевая ойкумена исторически территориально соответствует Великой степи, начиная с Венгерской равнины и заканчивая Северным Китаем. Кочевую ойкумену следует рассматривать как единую систему не только в пространстве в рамках Великой степи, но и во времени – начиная с рубежа 1–2-го тыс. до н. э. и заканчивая первой половиной 2-го тыс. н. э.

В древности в развитии цивилизаций просматриваются три основных стадии – архаическая, классическая и инерционная. В историческом развитии кочевой ойкумены следует выделить два основных цикла – скифо-сарматский и тюркско-монгольский. В рамках последнего цикла архаике соответствовала гуннская держава, классике – Тюркский, Уйгурский и Кыргызский каганаты, инерционному периоду – Монгольская империя. Так же как и в Риме, и в Греции, и в Китае для инерционного периода были характерны политические образования, которые называют империями.

Как уже говорилось выше, ПО имеет две составляющих – существования и развития.

У кочевников базовым был уровень рода (клана) – племени. Основной функцией племени были контакты с окружающим миром. С одной стороны, организация набегов на соседей, а с другой – защита от подобного рода мероприятий. Объединения (конфедерации) племен имели рыхлый и ситуативный характер.

Кочевое хозяйство теснейшим образом связано с природой. Видовой состав стад кочевников, протяженность и характер перекочевок детерминировались структурой и продуктивностью пастбищ. Количество скота на одного человека во времена хунну и сейчас практически совпадает (Дробышев 2008: 130). Слитность с природой давала определенные преимущества, но ставила в сильную зависимость от природных капризов (Он же 2005: 47, 2009: 20; То-

лыбеков 1955: 78, 82). Руководство кочевниками в основном сводилось к распределению пастбищных земель, контролю за перекочевками, улаживанию конфликтов (Крадин 1992: 151, 2001: 122; Федоров-Давыдов 1973: 36).

Если в постархаический период в Китае сформировалась технологическая ойкумена (Кондорский 2014б), относительно независимая от капризов природной среды, особенно в условиях политической стабильности, то у кочевников наблюдалась совершенно другая ситуация. Для кочевой ойкумены была характерна относительная экологическая нестабильность. В 68 г. до н. э. у сюнну был голод, умерло 60–70 % населения и соответственный процент скота. Даже при отсутствии стихийных бедствий скот тяжело переносил зиму и встречал весну сильно ослабленным (Таскин 1968: 39). Наблюдалась регулярность джутов каждые 10–13 лет, способствующих гибели более половины скота, и регулярные нашествия насекомых, уничтожавших пастбища (Крадин, Ивлиев 2014: 239). Можно считать, что важнейшие черты хозяйства, социальной организации, быта и менталитета кочевников были детерминированы экологией обитания (Крадин 2001: 161).

В рамках пространства существования социальный тип сознания кочевников принципиально отличался от такового у оседлых народов. Кочевники разрушали все преграды, препятствующие их свободному передвижению, сметали с земли все, что мешало ей стать пастбищем (Толыбеков 1955: 77). Чужие земли имели в глазах номадов другой статус. Там можно и нужно было грабить и убивать (Дробышев 2005: 52).

Что касается так называемых кочевых «империй», то их появление связано в основном с территорией Центральной Азии и было выгодно как представителям населения кочевий, так и родоплеменной знати. Падение каганата означало возобновление межплеменных войн, уничтожение торговых связей, разорение местного населения. Правители империй были хранителями внутреннего мира государства и организаторами военных походов за его пределы (Чибинев, Макаров 2008: 62).

Следует отличать, несмотря на внешнее сходство, кочевые племена от пастушеских. Кочевники – это специализированная и тупиковая ветвь социальной эволюции. В то же время пастушеские племена носили слаборазвитый, примитивный характер и в процес-

се архаических революций стали основой греческой, римской, иранской, североиндийской цивилизаций. Чжоуские племена также имели пастушеские корни.

Здесь просматриваются явные параллели с биологической эволюцией. До сих пор не найдены палеонтологические остатки предковых форм ни для одного отряда млекопитающих. Аналогична ситуация с вышеперечисленными племенами, которые не оставили археологических следов. Историки до сих пор спорят, каким образом предки персов пришли на территорию Ирана. То ли через Среднюю Азию, то ли по западному берегу Каспийского моря.

Ряд исследователей обратили внимание на связь политических процессов у кочевников с таковыми в соседних земледельческих «цивилизованных» государствах. Степень централизации кочевников прямо пропорциональна величине соседней земледельческой цивилизации. Тюркский каганат возник, когда Китай был объединен династией Сун, а затем Тан. Аналогичным образом Степь и Китай вступили в период анархии (Крадин 2000: 318). Раскол Северной Вэй на Восточную Вэй и Западную Вэй привел к дальнейшему усилению Жуаньжуанского каганата (Кычанов 2010: 93). Самые высокоорганизованные кочевые сообщества возникли на границе с Китаем, а наименее организованные в формальном отношении обнаружены в Африке южнее Сахары (Барфилд 2009: 42).

Появление достаточно внешне развитых кочевых империй в Центральной Азии, возможно, связано с фундаментальной закономерностью, характерной и для биологической, и для социальной эволюции. В рамках биологической эволюции наиболее прогрессивные изменения имели место в рамках наибольшей географической территории соединяющихся материков. Подобного рода закономерность характерна и для социальной сферы. Наиболее значимые достижения неолитического этапа исторического развития, появившиеся в Передней Азии, – культурные растения, одомашненный скот, гончарный круг, технология изготовления бронзы, колесницы – были невозможны без последующего распространения по всей территории евроазиатской ойкумены.

Великая степь занимала намного большую территорию по сравнению с биотопами, пригодными для скотоводства в Передней Азии (в широком смысле этого слова) и Северной Африке. Следует еще раз обратить внимание, что появление и упадок тех или иных

народов, их миграции в пространстве и во времени в рамках Великой степи как системной ойкумены были взаимосвязаны.

Здесь мы имеем ту же схему организации социального круговорота, что и в доархаических цивилизациях, – вождество в качестве базиса и элементы раннего государства в качестве надстройки. С точки зрения этого круговорота основной целью подобного рода потестарных образований была «утилизация» избыточного населения, индивидов мужского пола как носителей ПО. В середине IV в. в Ордосе сложилась благоприятная климатическая ситуация, заметно увеличившая кормовой ресурс скота обитавших здесь кочевников, что резко увеличило население и способствовало их активности (Гумилев 1994: 114).

Как уже говорилось выше, основным условием развития является наличие эксплуатации. Н. Н. Крадин считает, что кочевые империи получали нескотоводческие ресурсы путем внешней эксплуатации посредством грабежей, войн и контрибуции, вымогания «подарков», данничества (Крадин 2000: 200). Уйгуры вымогали огромные количества шелка и других даров из Китая. Само существование имперской конфедерации определялось подобного рода связями (Барфилд 2009: 249). Власть кочевых империй основывалась в первую очередь на внешних источниках господства (Крадин 1992, 1993; Barfield 1981).

Правители выполняли функции сакральных посредников между социумом и небом, обеспечивающим покровительство потусторонних сил. Процветание социума зависело от качеств правителя и его харизмы (Крадин 2001: 185; Кычанов 1997: 280; Хазанов 1975: 117). Правитель обладал кутом – жизненной силой и был источником блага как залога процветания и благополучия народа (Скрынникова 1997: 118). Потеря кута, проявляющаяся в военных неудачах, неурожаях, болезнях скота, часто каралась лишением жизни (Голден 1993: 224; Дробышев 2009: 18; Кычанов 1990: 12).

Статус руководителя степной империи зависел от возможности обеспечить дарами своих подданных (Крадин 2000: 210). Важную роль в управлении играла престижная экономика как механизм, соединяющий руководство империи и племен. Реципиент приобретал от сакрального правителя часть сверхъестественной благодати (Он же 2001: 184). Определяющую роль в интеграции племен в им-

перскую конфедерацию играли обмен дарами, проведение различного рода ритуалов, съездов вождей, облавных охот (Крадин 2001: 185).

Управление кочевыми империями осуществлялось на основе родового сюзеренитета. Верховная власть принадлежала роду, а не отдельному лицу. Империя считалась достоянием ханского дома (Кульпин 2010: 174; Кычанов 1997: 278). В рамках удельно-лестничной системы как залога политической устойчивости (Чибинев, Макаров 2008: 56) государственное управление все время находилось в руках опытных людей (Гумилев 1993а: 58). Власть в этот период еще не являлась отчужденным, отделенным от человека институтом, функционирующим по своим внутренним законам.

Здесь нужно обратить внимание на очень важный и тонкий момент. На уровне общины восприятие родства носило конкретный, «физиологический» характер. В то же время на уровне племенных «политических» объединений и выше родство существовало только в социальном сознании, было его продуктом. В кочевых империях организация составных племенных групп была продуктом реорганизации, вызванной разделением сверху донизу, а не следствием родства снизу вверх (Барфилд 2002: 69). Племенные конфедерации всегда содержали неродственные племена. При этом идиома родства как основа законности руководства в пределах правящей элиты основывалась на законах ПО. Подобного рода тенденция в наибольшей степени проявляла себя в инерционный период. У Чингисхана темники были самого различного этнического происхождения. В то же время у гуннского шаньюя все темники принадлежали к правящему роду (Кляшторный 2006б: 194).

Следует отметить исключительную роль торговли в обеспечении стабильности кочевых государств. Роль посредника, обеспечивающего безопасность международных торговых путей, способствовала достаточно длительному существованию империи (Новосельцев 1990: 114; Пиков 2003: 81; Чибинев, Макаров 2008: 31). Торговля шелком была основным фактором, связывающим Тюркскую империю в единое целое (Барфилд 2009: 215; Гумилев 1993а: 420).

В 1-м тыс. н. э. в кочевых социумах начинают наблюдаться процессы отчуждения. Появляется служилая знать, которая становится опорой в борьбе с традиционной аристократией. Дружина

формировалась вне традиционных клановых и общинных связей (Крадин 1993: 199–201). Правящий слой гуннской империи еще формировался из родоплеменной знати (Кляшторный 2006б: 194). Дружинники выполняли административные, полицейские и дипломатические обязанности, не имея при этом четкой специализации (Крадин 2001: 152).

Народ превращается в войско. Рыхлый аморфный социум принимает строгую военно-иерархическую структуру, основой которой была распространенная у кочевников десятичная система (Там же: 205). Чингисхан планомерно разрушал родоплеменную организацию покоренных им народов, уничтожал племена своих вчерашних союзников. Племена кераитов, найманов, меркитов и татар были расчленены и распределены между многочисленными родственниками и воинами Темучина (Викторова 1980: 175). Еще у киданей процесс захвата власти родом Юлюй сопровождался массовой резней. При этом была перебита большая часть руководителей кочевий. К управлению были привлечены люди, лично преданные правителю (Крадин, Ивлиев 2014: 29).

Монгольскую империю нельзя назвать собственно государством. Отсутствовали территориальное деление, постоянные подати и чиновники по их сбору. Не было управленческого аппарата, отделенного от народа (Скрынникова 1997: 380). У наследников Чингисхана редистрибутивная функция верховной власти по-прежнему играла определяющую роль (Васютин 2005: 62).

Еще уйгуры, у которых монголы многое переняли, прославились высоким уровнем цивилизации. Они управляли своей империей из оседлого городского центра, вели записи, поддерживали сельское хозяйство в степи и были тесно связаны с ираноязычным миром в отношении религии и системы управления. Однако после гибели Уйгурского каганата города быстро пришли в упадок (Барфилд 2009: 248–249). Цивилизации, имеющие кочевой фундамент, не могут долго существовать.

В 1-м тыс. н. э. возрастает роль «изгоев» в формировании государственности кочевников. Подобная ситуация имела место в свое время в Лациуме, где «банда» Ромула, промышленная сначала угоном скота, впоследствии заключила общественный договор с общинами римских холмов и стала их управляющей элитой. Именно

изгои заложили основы Жуаньжуанского каганата (Дробышев 2006: 26). Если гуннские шаньюи выдвинулись из числа правителей традиционных племен, то Ашина имели уже элементы мужского союза. Их тотемом был волк (Гумилев 1993а: 23), являющийся символом мужских союзов многих народов иранского, тюркского и даже славянского происхождения. Темучин объединил племена Степи, опираясь на «людей длинной воли» – изгоев самого различного этнического происхождения (Он же 1993б). Мужские союзы противостояли традиционной общине и были важнейшим институтом ПО.

Кочевые государства имели неравновесный характер. Здесь уместна аналогия с агроценозом (агроландшафтом), который поддерживается определенным набором агротехнических мероприятий и прекращение которых способствует возврату ценоза к исходному, природному состоянию. Гибель кочевых империй сопровождалась откатами к традиционным институтам управления (Васютин 2005: 57; Марков 1976: 80), к догосударственному состоянию (Кычанов 1997: 301). Следует обратить внимание, что даже в период максимального развития кочевых империй на местном уровне реальной властью обладали вожди, которые черпали влияние и силу в поддержке народа, а не в императорских назначениях (Барфилд 2009: 43).

В целом «практика» взаимодействия китайской и кочевой ойкумен в течение 1-го тыс. н. э. показала их несовместимость, в первую очередь в характере социального сознания. В своем развитии кочевой тип сознания перешел своеобразный рубикон в плане «специализации», и принципиально трансформировать его было уже невозможно. В кочевых сообществах не произошло ни архаических, ни феодальных революций. В кочевых империях Центральной Азии, начиная с Тюркской и заканчивая Монгольской, «феодализм» носил исключительно внешний характер и не имел потенциала последующего развития.

Из всех империй, основанных кочевниками, достаточно долго просуществовала только Османская, которая смогла перенять структуры и многовековой опыт административного управления Византии. Собственно кочевники в новом государстве превратились в презируемый слой населения.

Литература

Андреев, Ю. В.

2003. *Раннегреческий полис (гомеровский период)*. СПб.: Гуманитарная академия.

2004а. *Мужские союзы в дорийских городах-государствах (Спарта и Крит)*. СПб.: Алетейя.

2004б. *Гомеровское общество*. СПб.: Нестор-История.

Артыкбаев, Ж. 1999. *История Казахстана*. Астана: Фолиант.

Байбурин, А. К. 1993. *Ритуал в традиционной культуре*. СПб.: Наука.

Барфилд, Т. Д.

2002. Мир кочевников-скотоводов. В: Следзевский, И. В. (гл. ред.), *Кочевая альтернатива социальной эволюции*. М.: ЦЦРИ. С. 43–61.

2009. *Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н. э. – 1757 г. н. э.)*. СПб.: Нестор-История.

Баум, Р. 2006. Ритуалы и рациональность: корни бюрократического государства в Древнем Китае. В: Гринин, Л. Е., Бондаренко, Д. М., Крадин, Н. Н., Коротаев, А. В. (ред.), *Раннее государство, его альтернативы и аналоги*. Волгоград: Учитель. С. 244–266.

Березкин, Ю. Е. 1997. Америка и Ближний Восток: формы социополитической организации в догосударственную эпоху. *Вестник древней истории* 2: 3–23.

Берлев, О. Д. 1978. *Общественные отношения в Египте эпохи Среднего царства*. М.: Наука.

Блок, М. 1957. *Характерные черты французской аграрной истории*. М.: Изд-во ин. лит-ры.

Бокшанин, А. Г. 1966. *Парфия и Рим. Система политического дуализма в Передней Азии*. М.: Изд-во МГУ.

Васильев, К. В. 1998. *Истоки китайской цивилизации*. М.: Вост. лит-ра.

Васильев, Л. С.

1961. *Аграрные отношения и община в Древнем Китае*. М.: Наука.

1976. *Проблемы генезиса китайской цивилизации*. М.: Наука.

1983. *Проблемы генезиса китайского государства*. М.: Наука.

1989. *Проблемы генезиса китайской мысли*. М.: Наука.

1995. *Древний Китай*: в 3 т. Т. 1. М.: Вост. лит-ра.

Васютин, С. А. 2005. *Лики власти. Монгольская империя и кочевой мир*. Кн. 2. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СОРАН. С. 56–71.

Викторова, Л. Л. 1980. *Монголы. Происхождение народа и истоки культуры*. М.: Наука.

Глебов, А. Г. 2014. *Высокое Средневековье: Западная Европа в XI–XIII вв.* Воронеж: Истоки.

Голден, П. Б. 1993. Государство и государственность у хазар: власть хазарских каганов. В: Иванов, Н. А. (отв. ред.), *Феномен восточного деспотизма. Структура управления и власти*. М.: Наука. С. 211–233.

Гуляев, В. И. 1979. *Города-государства майя*. М.: Наука.

Гумилев, Л. Н.

1990. *Этногенез и биосфера Земли*. М.: Гидрометеиздат.

1993а (сост.). *Древние тюрки*. М.: Клышников, Комаров и К°.

1993б. *Поиски вымышленного царства*. М.: ДИ-ДИК.

1994. *Хунны в Китае*. СПб.: Абрис.

Дементьева, В. В., Суриков, И. Е. 2010. *Античная гражданская община: греческий полис и римская civitas*. Ярославль: ЯрГУ.

Джонсон, А., Эрл, Т. 2017. *Эволюция человеческих обществ. От добывающей общины к аграрному государству*. М.: Изд-во Ин-та Гайдара.

Дробышев, Ю. И.

2005. Природопользование и восприятие природы у хунну. *Восток* 1: 44–55.

2006. Некоторые аспекты культуры Жуаньжуанского каганата. *Общество и государство в Китае*. М.: Вост. лит-ра. С. 26–35.

2008. *История взаимодействия человека и природы в центрально-азиатских кочевых обществах раннего Средневековья*: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

2009. Уйгурский каганат – нетипичная кочевая империя. *Восток* 3: 17–26.

Думан, Л. И. 1970. Внешнеполитические связи Древнего Китая и истоки даннической системы. В: Тихвинский, С. Л., Переломов, Л. С. (отв. ред.), *Китай и соседи в древности и средневековье*. М.: Наука. С. 13–36.

Дьяконов, И. М.

1949. *Развитие земельных отношений в Ассирии*. Л.: Изд-во ЛГУ.

1982а. О прародине носителей индоевропейских диалектов. *Вестник древней истории* 4: 11–25.

1982б (ред.). *История древнего мира*. Кн. 2.. М.: Наука.

1982в (ред.). *История древнего мира*. Кн. 3. М.: Наука.

Емельянов, В. В. 2001. *Древний Шумер. Очерки культуры*. СПб.: Петербургское Востоковедение.

Иорданский, В. Б. 1982. *Хаос и гармония*. М.: Наука.

Удальцова, З. В. (ред.). 1983. *История крестьянства в Европе*: в 3 т. Т. 1. М.: Наука.

Кабо, В. Р. 1986. *Первобытная доземледельческая община*. М.: Наука.

Каждан, А. П. 1966. О социальной природе византийского самодержавия. *Народы Азии и Африки* 3: 53–64.

Кляшторный, С. Г.

2006а. *Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии*. СПб.: Наука.

2006б. Степные империи древних кочевников Центральной Азии. *Этнокультурное взаимодействие в Евразии*. Кн. 1. М.: Наука. С. 192–195.

Кобищанов, Ю. М. (ред.). 2009. *Полюдь: всемирно-историческое явление*. М.: РОССПЭН.

Кон, И. С. 1978. *Открытие «Я»*. М.: Политиздат.

Кондорский, Б. М.

2013. Архаическая революция в Древнем Китае (попытка сравнительно-исторического анализа). В: Кобзев, А. И. (гл. ред.), *Общество и государство в Китае*. Т. XLIII. Ч. 2. М.: ИВ РАН. С. 16–28.

2014а. Некоторые философские, социально-исторические и сравнительно биологические аспекты некоторых категорий языка (взгляд со стороны). *Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах. VII Международная научная конференция*. Челябинск: Энциклопедия. С. 466–470.

2014б. «Целина обязательно будет поднята». Элементы теории надобщинного пространства. *Традиционные общества: неизвестное, прошлое. X Международная научно-практическая конференция*. Челябинск: Чел. ГПУ. С. 51–56.

2016. Феодалная революция в Китае (к постановке вопроса). *Общество и государство в Китае*. Т. XLVI, ч. 1. М.: ИВ РАН. С. 24–40.

2017а. Историческое развитие китайской ойкумены в древности. В: Кобзев, А. И. (гл. ред.), *Общество и государство в Китае*. Т. XLVII. Ч. 1. М.: ИВ РАН. С. 20–35.

2017б. Характер формирования и развития княжеской власти в Древней Руси. *Творческое наследие А. А. Зимина и современная российская историография: VI Зиминские чтения*. М.: Древлехранилище. С. 143–157.

2020. Революционная концепция процесса исторического развития. *VI Международный научный конгресс «Глобалистика 2020. Глобальные проблемы и будущее человечества»*. М.: МГУ ФГП. С. 566 – 571.

2021. Некоторые аспекты теории общественных систем. *История и современность* 4: 85–115.

2024. Концепция ойкумены (на примере Китая). *Исторический формат* 2: 82–92.

Конрад, Н. И. 1974. *Избр. труды. История*. М.: Наука.

Коротчаев, А. В. 2003. *Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции*. М.: Вост. лит-ра.

Косамби, Д. 1968. *Культура и цивилизация древней Индии*. М.: Прогресс.

Крадин, Н. Н.

1992. *Кочевые общества*. Владивосток: Дальнаука.

1993. Структура власти в государственных образованиях кочевников. В: Иванов, Н. А. (отв. ред.), *Феномен восточного деспотизма. Структура управления и власти*. М.: Вост. лит-ра. С. 192–210.

2000. *Кочевники, мир-империи и социальная эволюция. Альтернативные пути к цивилизации*. М.: Логос. С. 314–336.

2001. *Империя Хунну*. М.: Логос.

Крадин, Н. Н., Ивлиев, А. Л. 2014. *История киданьской империи Ляо (907–1125)*. М.: Вост. лит-ра.

Крюков, В. М. 1988. Надписи на западножозуских бронзовых сосудах из Фуфена. *Вестник древней истории* 1: 96–112.

Крюков, М. В. 1982. Этнические и политические общности: диалектика взаимодействия. В: Бромлей, Ю. В. (отв. ред.), *Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе*. М.: Наука. С. 55–82.

Крюков, М. В., Софронов, М. В., Чебоксаров Н. Н. 1978. *Древние китайцы: проблемы этногенеза*. М.: Наука.

Крюков, М. В., Малявин, В. В., Софронов, М. В. 1979. *Китайский этнос на пороге средних веков*. М.: Наука.

Кульпин, Э. С.

1990. *Человек и природа в Китае*. М.: Наука.

1996. *Бифуркация Запад-Восток. Введение в социоестественную историю*. М.: Московский лицей.

2010. *Золотая Орда: судьба поколений*. Симферополь: Полуостров.

Кычанов, Е. И.

1990. *О ранней государственности у киданей. Центральная Азия и соседние территории в средние века*. Новосибирск: Наука. С. 10–24.

1997. *Кочевые государства от гуннов до маньчжуров*. М.: Вост. лит-ра.

2010. *История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров)*. СПб.: ПЛЮ.

Лелюхин, Д. Н. 1993. Государство, администрация и политика в «Артхашастре» Каутильи. *Вестник древней истории* 2: 4–24.

Малявин, В. В. 1983. *Гибель древней империи*. М.: Наука.

Марков, Г. Е. 1970. Некоторые проблемы общественной организации кочевников Азии. *Советская этнография* 6: 74–89.

Марков, Г. Е.

1973. Некоторые проблемы возникновения и ранних этапов кочевничества в Азии. *Советская этнография* 1: 101–113.

1976. *Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации*. М.: Изд-во МГУ.

Мартынов, А. С. 1972. Представление о природе и мироустроительных функциях власти китайских императоров в официальной традиции. *Народы Азии и Африки* 5: 72–82.

Моос, М. 1996. *Общества. Обмен. Личность*. М.: Вост. лит-ра.

Никифоров, В. Н. 2002. *Очерк истории Китая: II тысячелетие до н. э. – начало XX столетия*. М.: ИДВ РАН.

Новгородова, Э. А. 1989. *Древняя Монголия*. М.: Наука.

Новосельцев, А. П. 1990. *Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа*. М.: Наука.

Переломов, Л. С. 1964. *Община и семья в Древнем Китае (III в. до н. э. – III в. н. э.)*. М.: Наука.

Перепелкин, Ю. М. 2000. *История Древнего Египта*. СПб.: Летний сад.

Пиков, Г. Г. 2003. Специфика государственного устройства киданьских государств. В: Деревянко, А. П. (отв. ред.), *История и социология государства*. Новосибирск: Изд-во НГУ. С. 67–113.

Попов, В. А. (ред.). 1995. *Ранние формы политической организации*. М.: Вост. лит-ра.

Рубин, В. А.

1970. *Идеология и культура Древнего Китая*. М.: Наука.

1999. *Личность и власть в Древнем Китае*. М.: Вост. лит-ра.

Симоновская, Л. В. (ред.). 1968. *История стран Азии и Африки в средние века*. М.: Изд-во МГУ.

Скрынникова, Т. Д. 1997. *Харизма и власть в эпоху Чингисхана*. М.: Вост. лит-ра.

Смолин, Г. Я.

1961. *Крестьянское восстание в провинциях Хунань и Хубэй в 1130–1135 гг.* М.: Вост. лит-ра.

1970. Особенности внеэкономического принуждения земледельцев в Китае X–XIII веков. *Народы Азии и Африки* 1: 52–61.

1974. *Антифеодальные восстания в Китае второй половины X – первой четверти XII в.* М.: Наука.

Степугина, Т. В. 2004. Государство и общество в Древнем Китае. В: Грантовский, Э. А., Степугина, Т. В. (отв. ред.), *Государство на Древнем Востоке*. М.: Вост. лит-ра. С. 375–448.

Таскин, В. С. 1968. Скотоводство у сюнну по китайским источникам. В: Хохлов, А. Н. (сост.), *Вопросы истории и историографии Китая*. М.: Наука. С. 31–44.

Тихвинский, С. Л. (ред.)

2013. *История Китая с древнейших времен до начала XXI в.*: в 10 т. Т. II. *Эпоха Чжаньго, Цинь и Хань (V в. до н. э. – III в. н. э.)*. М.: Наука, Вост. лит-ра.

2014. *История Китая с древнейших времен до начала XXI в.*: в 10 т. Т. III. *Троецарствие, Цзинь, Южные и Северные династии, Суй, Тан (220–907)*. М.: Наука, Вост. лит-ра.

Толыбеков, С. Е. 1955. О патриархально-феодальных отношениях у кочевых народов. *Вопросы истории* 1: 75–83.

Трепавлов, В. В. 2005. Улусный субстрат и имперский суперстрат: поиск «ядра» кочевой государственности. В: Базаров, Б. В., Крадин, Н. Н., Скрынникова, Т. Д. (ред.), *Монгольская империя и кочевой мир*. Кн. 2. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СОРАН. С. 71–84.

Туманс, Х. 2002. *Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла (VIII – V вв. до н. э.)*. СПб.: Гуманитарная Академия.

Утченко, С. Л. 1976. *Юлий Цезарь*. М.: Мысль.

Федоров-Давыдов, Г. А. 1973. *Общественный строй Золотой Орды*. М.: Изд-во МГУ.

Фролов, Э. Д. 1988. *Рождение греческого полиса*. Л.: Изд-во ЛГУ.

Хазанов, А. М. 1975. *Социальная история скифов*. М.: Наука.

Чибинев, В. М., Макаров, Д. А. 2008. *История развития государственности степных народов Евразии и их влияние на становление Древнерусского государства*. СПб.: Лема.

Шифман, И. Ш. 1990. *Цезарь Август*. Л.: Наука.

Шахермайр, Ф. 1984. *Александр Македонский*. М.: Наука.

Элиаде, М. 1984. *Священное и мирское*. М.: Изд-во МГУ.

Якобсон, В. А. (ред.). 2002. *История Востока: в 6 т. Т. 1. Восток в древности*. М.: Вост. лит-ра.

Ярхо, В. Н. 1963. Проблема ответственности и внутренний мир гоме-ровского человека. *Вестник древней истории* 2: 46–64.

Barfield, T. 1981. The Hsiung-nu Imperial Confederacy: Organization and Foreign Policy. *The Journal of Asian Studies* 41(01): 45–61.

Carneiro, R. L. 2000. *The Muse of History and the Science of Culture*. New York: Kluwer Academic.

Dalton, G. 1971. *Economic Anthropology and Development. Essays of Tribal and Peasant Economics*. New York: Basic Books.

Polanyi, K. 1968. *Primitive, Archaic, and Modern Economics*. New York: Anchor Books.

Sahlins, M. 1968. *Tribesmen*. New York: Orentice-Hall.

Service, E. 1975. *Origins of the State and Civilization*. New York: Norton.